МЫ БИЛИ АМЕРИКАНЦЕВ В НЕБЕ КОРЕИ

ка, дал команду: "атакуем!" Мы были выше противника, с левым разворотом атаковали его. Кожедуб действовал исключительно дерзко. Подлетел к их ведущему сверху сзади и буквально расстрелял его. По нему открыл огонь ведомый "Фокке-Вульф" из этой группы, попал. Три пробоины было в фюзеляже и в хвосте. Но ведомый Кожедуба открыл огонь и сбил этого немца. Куманичкин тоже сбил один самолет. Но немцы растерялись, действовали неорганизованно. Тех асов, которые начинали войну, у них почти не осталось. А наши летчики к тому времени набрались опыта, а храбрости им не занимать. В итоге мы тогда в одном бою сбили 16 самолетов. Один из наших Гриша Орлов погиб. Он сбил два самолета, его самого подбили, он, уже горящим, стал стрелять по третьему, и в этот момент его машина взорвалась.

Войну я закончил западнее Берлина. В конце войны мы имели полное превосходство в воздухе. Но в начале ее, повторяю, мы уступали немцам по всем показателям. У них была прекрасная техника пилотирования. Те, с кем мы встретились в 41-м и в 42-м, уже воевали в Испании, во Франции, в Польше, Югославии. Умели прекрасно стрелять, были очень нахальные, дерзкие. Сыграло роль и то, что наша авиация, уступая немецкой в скорости и вооружении, применяла оборонительную тактику. Даже лучший истребитель того поколения И-16 только защищался, но в оборонительном бою, поскольку он был маневренный и вооружен еще "эрэс"ами, действовал прекрасно. Если немцы вступали в бой с нашими истребителями, то часто терпели поражение. А вот против бомбардировщиков "мессершмиты" действовали уверенно, они их легко расстреливали. Особенно в первые дни, когда тяжелая авиация ходила без прикрытия. Потери были огромные.

Когда мы начали летать на больших скоростях, стали одерживать больше побед. Потом мы научились применять построение по высоте, группы прикрытия. В 43-м авиация освоила новую тактику. Теперь бой велся звеньями не из 3-х самолетов, как раньше, а из двух – ведущего и ведомого. Ведущий атакует противника, ведомый его прикрывает. Конечно, доставалось ведомым, их больше сбивали. А ведущие больше сбивали немцев.

В битве на Курской дуге силы авиации были примерно равны. Но наши летчики, уже имея боевой опыт, обеспечили Красной Армии превосходство в воздухе.

Наши летчики стремились при любых обстоятельствах сражаться с врагом и победить. Они защищали свой народ, свою армию, свои города и села. И поэтому готовы были жертвовать собой, чтобы задача была выполнена, чтобы противник был разбит. Молодые летчики, не имея опыта, рвались в бой, ничего не боялись. Очень много их погибло под Сталинградом. Прибывали из училищ по 15–20 человек, через 2–3 месяца оставался один. Когда наш полк оборонял Москву, в него прибыло 8 молодых летчиков. Остался я один. Отбор шел жестокий. Выживал тот, кому везло, у кого мастерство было побольше.

Война дала много выдающихся летчиков. Я уже говорил о Кожедубе. Это изумительная счетная машина. Он в один момент оценивает обстановку, принимает всегда самое правильное решение. Очень дерзкое, смелое, и доводит его до исполнения. Я с ним летал несколько раз. Он как увидит противника, сразу дает команду: "атакуем!" Проходит несколько секунд, уже стреляет, и немецкий самолет горит. Прекрасно стрелял. Это выдающийся летчик, гений авиации.

Чтобы быть прекрасным летчиком, нужны особые качества, нужен талант. Всем этим обладал Кожедуб. До войны он был инструктором. Умел хорошо летать, а в первом же бою показал, что и воевать умеет изумительно.

На Дальний Восток

После войны мы должны были отправиться на Дальний Восток – воевать с Японией. Но пока собирались, грузились – уже июль. К августу мы не успевали. Нашу дивизию направили в Подмосковье.Один полк в Кубинку, другой – на аэродром в Теплый Стан. В течение 5 лет, до 1950 года, дивизия показывала на парадах авиационную технику. Сначала показывала Ла-7, фронтовые самолеты на Красной площади, на аэродроме в Тушино. Потом Ла-9. Научились групповому пилотажу звеньями, потом девяткой. Мертвую петлю делали девяткой – никто никогда до этого не делал. Потом настала очередь реактивной авиации. Полк осваивал самолеты Як-15, Як-17. Последний стали показывать на военных парадах. Самолет изумительный, очень легкий, скорость до 700 километров в час. Мы впервые в мире на нем стали делать пилотаж, мертвые петли.

Летом 1950 года летчиков нашей авиадивизии стали спрашивать, кто хочет поехать в Корею, чтобы защитить ее от американских бомбардировок. Добровольцами записались все.

В Корею мы прибыли в декабре 1950 года. Два месяца восстанавливали навыки ведения боя. Ведь 5 лет до того летали только строем по прямой.

В марте перебазировались на аэродром Андунь, начались боевые вылеты. Сначала они были довольно неудачными. Опыт растеряли. Применяли построение как в Отечественную войну: группа ударная, группа прикрытия. Оказалось, на МИГ-15, которые у нас были, применять это нельзя. При скорости 800–900 километров группа рассыпалась. Но постепенно нашли верное решение.

Над Кореей я провел 60 боев, сбил 13 самолетов. За первые 7 получил звание Героя Советского Союза. Мы были эскадрильей прикрытия – пока другие прорывались к бомбардировщикам и уничтожали их, мы сражались с "Сейбрами". "Сейбр" – почти такой же истребитель, как МИГ-15, но более маневренный. И потом их всегда было очень много, как правило, американцы имели 8–10-кратный численный перевес. Наша четверка, их 20–30. Сначала у американцев было 2,5 тысячи самолетов против наших 50. А потом у них стало уже 4 тысячи, а у нас 2 дивизии (это 5 полков), 3 китайские дивизии и корейская. Бои шли так: против 500–700 американцев 100 наших самолетов.

Наши самолеты не имели защитной окраски, они сильно блестели на солнце. И американцы как увидят, что появилось сверкание в небе, так поворачивают и уходят.

Среди американцев были асы, некоторые сбили по 10 МИГов. Но у них ведь как? Главная задача – сделать положенные 100 вылетов, и потом уехать. За вылеты – плата. За сбитый самолет тоже.

Поэтому если у них есть преимущество, они вступают в бой, если нет, уходят. Было несколько любителей воевать, которые атаковали дерзко, нахально. Но таких мало. Я встретился в бою с таким летчиком, командиром крыла, как у них называется. Я у него сбил ведомого, потом они меня гоняли парой, но сбить не смогли. Этот ас так и уехал оттуда не сбитым. Второго сбили, а третий ас погиб. Сбили его случайно. У нас был один ведомый, который обычно отставал, и вот он идет, и вдруг видит, что его группу сзади атакуют американцы. Их ведущий оказался прямо перед ним, он нашего, наверное, просто не заметил. А тот прицелился, открыл огонь и сбил американца. Этот наш летчик таким образом сбил 5 самолетов. Они проскакивали мимо него, и он их сбивал сзади. Но потом его тоже сбили.

Наше командование меняло нас целыми полками. Полк отвоюет 8 месяцев и уезжает, на смену приезжает другой. И все летчики начинают учиться воевать. А американцы меняли группами. 100 вылетов сделал – уезжает, его заменяет новый пилот. Оставшиеся опытные его учат. Поучили 2–3 месяца, уезжают, те в свою очередь учат вновь прибывших.

Наш полк сбил 110 самолетов, вся дивизия 225, а потеряли мы 10 летчиков. Те же, кто нас сменил, стали нести большие потери. А почему? Потому, что американцы теперь обучали своих летчиков воздушному бою именно с МИГами.

Вместе с советскими летчиками воевали корейские и китайские. Они действовали против бомбардировщиков. Воевали неплохо, но их приходилось защищать от истребителей, особенно китайцев. У корейцев был больше налет. А китайцы малоопытные. Американцы на них сразу набрасывались и много сбивали.

Нынешний главнокомандующий ВВС Китая был командиром эскадрильи, и когда они вылетали, наша эскадрилья их прикрывала.

Китайцы сбили около 200 американских самолетов, но и сами потеряли где-то около 170. Это были советские МИГ-15.

У нас, конечно, результаты другие. За весь период войны в Корее советские летчики сбили 1309 самолетов. Наши потери: 135 летчиков и 330 самолетов.

Если бы по-другому меняли летчиков, потери были бы значительно меньшими. Первые две дивизии – Куманичкина и Кожедуба, укомплектованные опытными летчиками, прошедшими Великую Отечественную войну, сбили за один год около 700 самолетов. А потеряли мы 25 человек, т. е. соотношение 1 к 20. А после нас, когда прислали пилотов без боевого опыта, соотношение стало 1 к 2. Сбили тоже 700, но потеряли 300. Это были дивизии из ПВО, которые учились воевать с бомбардировщиками, а не с истребителями. Кроме того, американцы стали налетать на аэродромы, сбивать наших на взлете и посадке.

Первые столкновения с советскими летчиками для американцев были неожиданными. Они не знали, что СССР пошлет в Корею свою авиацию, и ни разу не сообщили, что воюют с советскими летчиками. Почему об этом молчали наши – понятно, чтобы не осложнить отношения с Америкой. А вот американцы... Совершенно непонятно, почему они тоже скрывали. Все на китайцев сваливали. Китайцы-добровольцы, китайские летчики...

Но их разведка работала. Была задача раздобыть хотя бы одного русского летчика. Украли механика. Тут же были подняты по тревоге все войска, обыскали все плавни, все камыши и нашли его в лодке связанным.

Мы никогда не летали над чужой территорией. Наша задача была не дать бомбить железную дорогу, мосты, электростанцию.

С китайскими летчиками мы встречались постоянно, они базировались на нашем аэродроме и еще на двух аэродромах. Я ходил к ним, рассказывал как нужно вести бой, какие особенности. Но им, конечно, не хватало опыта: 50–60 часов, это то, что мы имели в начале Великой Отечественной войны.

КНДР к началу войны имела 120 самолетов Як-9 и Ил-2. Но они не были замаскированы, не были рассредоточены. Американцы совершили налет на аэродромы и сожгли их, как немцы наши самолеты в 41-м. Потом СССР передал им Ла-9. У корейцев была женская эскадрилья. Девушки прекрасно на этих самолетах летали, храбро сражались. Однажды мы прилетели с задания и видим: две девушки на Ла-9 дерутся с шестью "Сейбрами". Мы попросили быстрее заправить наши самолеты, чтобы помочь им. Но не успели. Сначала одну девушку подбили, потом вторую. Однако они остались живы.

В декабре 1951 года Ким Ир Сен прислал нам подарок – 10 собачек. В Корее собачки считаются лакомством. Поскольку корейцы работают в воде, когда сажают рис, у них многие болеют туберкулезом. А жир собак – лучшее средство от туберкулеза. Мы отдали их корейским летчикам. Они с удовольствием приняли.

Сорок лет спустя

В 1993 году участников корейской войны пригласили в Пхеньян на празднование 40-й годовщины победы над американцами. 40 лет назад он был ими разрушен до основания. Мы восхищались тем, как корейцы красиво его отстроили. Изумительный город, один из самых красивых городов мира. Чего стоит стадион имени 1 мая – огромный, тысяч на 150.

Состоялся военный парад. Перед нами проходили парадные батальоны, затем пошли девушки. В корейской армии есть специальные батареи из девушек – береговой артиллерии, зенитные. Девушки прошли красиво.

После парада нас пригласили на торжественный обед. Когда мы приехали, нас приветствовал Ким Ир Сен. Он хорошо говорил по-русски. Спрашивает как вас величать – господа или товарищи? Отвечаем: мы были с вами товарищами, останемся товарищами. Мы его спросили, когда он к нам приедет. Он улыбается – когда у вас снова будет социализм, когда предатели, купленные американцами, уйдут.